

СОВРЕМЕННЫЙ ФУТБОЛ, МЕСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР

Ключевые слова: футбол, глобализация, идентичность, современный мир

Развитие футбола в последние годы отражает один из главных парадоксов современности: в то время как вследствие глобализации образ жизни людей в разных странах различается все меньше и меньше, чувство принадлежности к локальным сообществам сохраняется, а то и усиливается. Вплоть до 1980–1990-х годов футбольные болельщики могли гордиться неповторимым стилем игры своей команды, ее игроками – уроженцами их родного города или региона. Владельцами клубов в большинстве своем были местные промышленники. Одним словом, команда и клуб были метафорами местной идентичности. Сегодня связь между командой и городом/регионом ослабла, но привязанность к клубу сохраняется. Проанализируем этот парадокс, а заодно и причины всемирной популярности футбола.

DOI: 10.7868/S0869541518020021

Конец узнаваемых стилей

Прежде, еще в 1980-х годах, идентификация с тем или иным футбольным клубом воспринималась болельщиками не как обычный (произвольный) знак коллективной принадлежности, но как осмысленный символ особой формы коллективного бытия, что воплощал в себе стиль игры команды, своего рода индивидуальное проявление универсальных форм выражения. Этот особый стиль далеко не всегда действительно существовал, нередко речь шла, скорее, о закреплённом традицией стереотипном образе самого локального сообщества – каким оно хотело видеть себя и представлять перед глазами других: не столько о том, как люди играют (и живут), сколько о том, что им нравится рассказывать об игре их клуба (и о своей собственной жизни). Каждая крупная местная команда играла в своей особой манере, а каждый важный матч предстал «войной стилей». Вот только несколько характерных примеров.

Стилевой доминантой команды Сент-Этьена в ее славный период с 1967 по 1981 гг., когда клуб восемь раз становился чемпионом Франции, были бесстрашие, одержимость и полная отдача (*Charroin* 1992). Не случайно лучшим из лучших в глазах болельщиков был Освальдо Пиатца, отличавшийся смелостью и бойцовскими качествами, продолжавший стремительно и неустанно носиться по газону, даже когда казалось, что матч безнадежно проигран. В шахтерском Лансе от игроков одноименного клуба ждали проявлений командного духа и мужества, готовности «попотеть» на поле – это был именно тот образ, в котором, как в зеркале, любили «узнавать» себя болельщики. Стиль марсельского «Олимпика» заметно отличался: для него были характерны яркость, выдумка,

Кристиан Бромберже | <http://orcid.org/0000-0002-8231-8885> | brombergerchristian8@gmail.com | профессор | Университет Экс-Марсель (Jardin du Pharo, 58 Boulevard Charles Livon, 13284 Marseille, France)

виртуозность и выдающееся мастерство. “Прямо к цели!” – девиз клуба с самого его основания в 1899 г. Приверженность этому стилю на протяжении всей истории команды демонстрировали ее знаменитые игроки, занимавшие первые строчки футбольных рейтингов (*Bromberger* 1995: 124–130).

В Италии противопоставлялись друг другу стиль туринского “Ювентуса” и неаполитанского “Наполи”. Первый культивировал строгость и дисциплину, характерные для суровой пуританской индустриальной культуры (клуб принадлежал автомобильному заводу “Фиат”), что символизировал его девиз: “Серьезность, простота, сдержанность”. Второй делал ставку на стремление к преодолению себя и особую изобретательность, воплощением которых были латиноамериканские игроки-виртуозы Диего Марадона и Карека (Антонио де Оливейра Филью).

Нечто подобное мы наблюдали и в Тегеране, где и сегодня соперничают два клуба: “народный” “Персеполис” и аристократически-студенческий “Эстегияль”. Первый славится своими навесными передачами в нападении, второй демонстрирует более тонкую технику коротких пасов и обводок (см.: *Bromberger* 2016). Для начинающего болельщика постепенное знакомство с особенностями местного стиля было своего рода “воспитанием чувств” и приобщением к системе ценностей, свойственных его городу.

Рис. 1. Алтарь Марадоны в неаполитанском кафе (фото К. Бромберже, 2014).

Но за последние тридцать лет от “местных” стилей практически ничего не осталось. Замены тренеров, регулярные (дважды в год) трансферы игроков положили конец стилистической преемственности. Лишь один пример из многих: в межсезонье 2015 г. из марсельского “Олимпика” ушло 16 игроков, им на смену пришло 15 новых. С 2012 по 2016 гг. у команды сменилось 6 тренеров.

Конец эпохи местных игроков

Состав команды долгое время являл собой еще одну выразительную и упрощающую метафору коллективной идентичности, идеализированное отражение местного населения и свойственных ему критериев отнесения к сообществу. Так, в Глазго вплоть до конца 1980-х годов религиозная принадлежность была определяющей характеристикой при наборе в команду. “Селтик” — клуб католический, основанный братом-маристом, поддерживаемый иммигрантами-ирландцами и возглавлявшийся на заре его существования архиепископом города. “Рейнджерс”, напротив — клуб протестантский и юнионистский (Murray 1994). Однако в 1989 г. по этому противопоставлению был нанесен фатальный удар: впервые за восемьдесят лет католик Мо Джонстон стал игроком “Рейнджерса”, что вызвало бурные споры. Во Франции в составе “Ланса”, команды-символа “пролетариата”, традиционно играло немало рабочих польского происхождения. Именно они составили репутацию клуба, и своим “возрождением” в 1970-е годы после долгого периода неудач “Ланс” во многом обязан двум талантливым футболистам, приглашенным из Польши, Эугенюшу Фабери и Рышарду Гжегорчику. В Марселе во все времена наиболее популярными были иностранные знаменитости: в 1930–1940-е годы — венгр Вильмош Кохут, бразилец Жагуаре Васконселлос, марокканец Ларби Бен Барек, в более позднее время — швед Рогер Магнуссон, югослав Йосип Скоблар, бразильцы Сонни Андерсон, Жаирзиньо (Жайр Вентура Фильо) и Пауло Сезар, англичанин Крис Уоддл, итальянец Фабрицио Раванелли, сенегалец Мамаду Ньянг или ивуариец Дидье Дрогба — игроки, оставившие глубокий след в памяти местного сообщества. К списку этих иностранных знаменитостей (отражению идеализированного марсельского космополитизма) вполне можно добавить бывших игроков детского футбольного клуба *Les Minots de l'OM*, объединяющего мальчишек, родившихся в Марселе и его предместьях. *Les Minots de l'OM* уверенно выступал на соревнованиях в начале 1980-х годов, когда “взрослая” команда переживала самые мрачные времена в своей истории. Эти мальчишки, многие из иммигрантских семей, и сделали возможным возрождение клуба. Единение местных и иностранных игроков представляет собой идеализированную картину (далеко не столь гармоничную в реальной жизни) города, вся история которого связана с мощными миграционными потоками.

Одним словом, вплоть до недавнего времени команда символизировала, демонстрировала и воплощала в себе, благодаря своему стилю и составу игроков, реальную и воображаемую идентичность местного сообщества, которое она представляла. Сегодня эта эпоха доживает последние дни. Недавние изменения в регламентах (в частности, снимающие ограничения на количество в команде игроков-легионеров из других стран-членов ЕС), но в особенности превращение футбольных клубов в частные развлекательные предприятия изменили характер связи между болельщиками и игроками “их” команды. Если раньше футболисты были местными уроженцами, “парнями с соседней улицы” и проводили большую часть своей карьеры в одном и том же клубе (ценой этого постоянства, правда, были нередко рабские условия контрактов; см.: Wahl, Lanfranchi 1995), то теперь они перемещаются по миру со скоростью метеоров, откликаясь на предложения рынка. Нет больше ни одной польской фамилии в команде Ланса, только трое из тридцати игроков “Олимпика” — марсельцы и т.п.

Конец власти местных промышленников и магнатов

Вплоть до 1960-х годов, а в редких случаях и позже президентами футбольных клубов были местные промышленники и предприниматели, извлекавшие косвенную выгоду из своей щедрости (поднятие духа работников предприятия, ослабление социальной напряженности и т.п.). Анри Жорис¹, крупный лилльский пивовар, возглавлял городской футбольный клуб и сыграл определяющую роль в его развитии. Текстильный магнат Жан Пруво был президентом “Рубе”. Пьер Гишар², патрон группы “Казино”, стоял у истоков футбола в Сент-Этьене. Похожие примеры можно найти и в Италии: семья Анжелли, руководившая компанией “Фиат”, возглавляла туринский “Ювентус”; производитель текстиля Джорджо Аскарелли, а позже судовладелец Акилле Лауро — неаполитанский “Наполи”... Таким образом, руководство футбольного клуба находилось на одной волне с городом и с предприятием, от которого он зависел. Патрик Фриденсон (*Fridenson* 1989) и позже Антуан Мура (*Mourat* 2010) показали, как администрирование деятельности футбольного клуба и команды “Сошо” воспроизводило управленческую модель заводов “Пежо”. “Руководство команды должно прекрасно знать каждого игрока, чтобы поставить его на то место, где он сможет проявить себя наилучшим образом, — писала газета предприятия в 1954 г. — На заводе то же самое: каждый должен быть на своем месте, за чем надлежит постоянно следить”. Рене Осс, технический директор футбольного клуба “Сошо”, в 1970-е годы хвастался заводской дисциплиной на поле. “Никаких обсуждений, никаких возражений, строгая иерархия,” — заявил он в интервью журналу *L'entraîneur français* (“Французский тренер”). Эта схема — или, говоря словами Жюль Делеза, диаграмма — претерпела глубокие изменения после 1970–1980-х годов. Во главе клубов встали медиамагнаты (Марсель Леклер в Марселе или Мишель Денизо в “Пари Сен-Жермен”), застройщики и владельцы известных брендов. На первых порах большинство этих кондотьеров, желая создать себе реноме, все же старались поддерживать связь с городом, футбольным клубом которого они управляли. Однако начиная с 2000-х годов, за редким исключением, президенты и акционеры крупных клубов все больше утрачивают эту связь, а сами клубы все чаще становятся собственностью финансовых империй. Нужны примеры? Марсельский “Олимпик” в 1996 г. приобрел Робер Луи-Дрейфус — патрон “Адидаса”, имеющий лишь эпизодические контакты с городом. Что уж говорить о “Пари Сен-Жермен”, перешедшем из рук американской финансовой группы *Colony Capital* в руки эмира Катара, о “Монако”, которым владеет миллиардер Дмитрий Рыболовлев, или о “Сошо”, приобретенном в 2015 г. китайской группой *Ledus*, что положило конец родству с фирмой “Пежо”. Конечно, кое-где еще сохранились президенты клубов старого образца, но общая тенденция к детерриториализации и установлению контроля со стороны транснациональных компаний и денежных мешков очевидна.

Однако все эти трансформации не снижают накала фанатских страстей, хотя природа их меняется. На смену ощущению сопричастности, ликования в кругу своих приходит шоу знаменитостей, объединенных цветами клуба. Именно эти цвета остаются основным идентификационным маркером.

Новая публика и новые формы поддержки команд

В ответ на волну насилия, прокатившуюся по стадионам Франции и Европы в 1980-е годы, клубы и национальные федерации футбола приняли серию мер, направленных на недопущение на трибуны наиболее буйных фанатов. Цены на билеты заметно выросли, что привело к “джентрификации” и “обуржуазиванию” зрителей на “чистых” стадионах. При строительстве футбольных арен проявляется тенденция к более четкому сегментированию пространства, созданию элитных секторов, ограничению социального смешения и контактов. Эта эволюция сопровождается

Рис. 2. Болельщики на трибуне “Телекомтюрк Арены” (стадиона команды “Галатасарай” в Стамбуле). Спортивный комплекс, в который входит стадион, носит имя первого президента клуба – Али Сами Ен. Таким образом, в названии сочетаются ультрасовременность и местная традиция (фото К. Бромберже, 2014).

расширением функций спортивных сооружений, в которых появляются магазины, кинозалы, детские площадки, банкетные залы (кое-где можно отныне отпраздновать юбилей или свадьбу). Модернизация стадионов, стремление предотвратить проявления насилия вылились в формулу “только сидячие места”, включая зону за воротами, где собираются молодые и наиболее активные болельщики. Но как можно выразить свои эмоции сидя, когда движения скованны, а тела отделены друг от друга, а не слиты в единую массу? Девизом руководства клубов и федераций, обращенным к зрителям, могла бы стать тройная команда: “Плати! Сиди! Молчи!”. Администрация вообще была бы не прочь, чтобы болельщики подчинялись сигналам клубного аниматора. Однако такие попытки превратить спортивное состязание в спектакль а-ля Диснейленд не по нраву фанатам. Последние считают, что их лишают особого удовольствия – “зажигать” трибуны. “Заплатить, заткнуться и восхищаться игрой легионеров? Ну уж нет!” – негодуют футбольные “ультрас”. Различные меры предосторожности меняют самую атмосферу на стадионах. Так, в Италии запрещены баннеры из любых горячих материалов, а за лозунги, дискредитирующие соперника, предусмотрено наказание. Это вполне оправдано, если речь идет об оскорблениях, например, расистского толка, но куда менее понятно в случае использования стереотипов в баннерах/“кричалках”, призванных раззадорить противника. Разве стадион не является местом, где позволительно отступить от принятых норм поведения, одним из немногих пространств, где еще допускается сквернословие?

Популярность футбола: резонаторный ящик коллективных идентичностей

Если, вопреки всем этим изменениям, футбол по-прежнему невероятно популярен и может быть отнесен к общечеловеческим ценностям, то это потому, что команды и клубы остаются инструментами классификации, резонаторными ящиками и катализаторами коллективных идентичностей и антагонизмов. И еще потому, что спорт в концентрированном виде отражает представления о жизни, широко распространенные в современном мире.

Рис. 3. *Vinci per Noi Magico Toro* (Выиграй для нас, волшебный Торо!)

Болельщики команды “Торино” на старом муниципальном стадионе *Stadio Comunale* в Турине (фото К. Бромберже, 1986).

Нужно ли напоминать о том, что футбольные матчи являются прекрасной возможностью для утверждения групповой принадлежности и межгрупповых противоречий? От региональных или корпоративных состязаний до чемпионатов мира (включая континентальные и межконтинентальные кубки и соревнования) — каждое противостояние символически пробуждает у зрителей ту или иную составляющую их идентичности (профессиональную, локальную, региональную, этническую, национальную...). Чувство групповой принадлежности конструируется здесь, как и в иных ситуациях, в более или менее жестком противостоянии с другими. Так, каждая встреча между командами соперничающих городов, общин, регионов, государств приобретает форму ритуальной войны (со своими гимнами и фанфарами), в которой нет недостатка ни в прочувствованных напоминаниях о былых конфликтах и столкновениях, ни в воинственных эмблемах (клубные знамена, атрибутика болельщиков), ни в призывах к общей мобилизации. Эта мобилизация происходит в особом паноптическом пространстве стадиона, где каждый является одновременно зрителем (игры) и объектом наблюдения (со стороны других зрителей), где могут собраться вместе и заявить о себе большие группы людей, — в пространстве, соразмерном феномену коллективных идентичностей в современном мире. Здесь вновь обретает форму социальное тело, расчлененное в повседневной жизни; здесь выражается в совместном пении чувство единения и преданности; здесь “общество осознает себя и становится заметным”, говоря словами Эмиля Дюркгейма.

Международные соревнования пробуждают и усиливают исторически сформировавшуюся враждебность. Вспомним воинственную атмосферу, долгое время царившую на матчах Франция—Германия, Нидерланды—Германия, Польша—Россия, Англия—Ирландия, или освистанную “Марсельезу” во время встречи Франция—Алжир в 2010 г. Говоря

о напряженной обстановке вокруг матчей, нужно также принять во внимание жажду острых ощущений – “запрос на возбуждение”, говоря словами Норберта Элиаса, – живущую в душе болельщиков. Если погоня за эмоциями – одна из основных составляющих спортивного зрелища, то поддержка команды – необходимое условие высочайшего пафоса состязания (необходимость эта, конечно, не моральная, а психологическая). Действительно, что может быть менее интересным, чем игра без “ставок”, в которой зритель не чувствует себя участником, в которой нет столкновения “нас” с “ними”! Конечно, мы можем восхищаться стилем и красотой игры, ловкостью и силой игроков, но мы не ощути всей остроты и драматизма зрелища. Футбольный матч, особенно напряженный, позволяет испытать за 90 минут целую гамму чувств и эмоций, на что в иных обстоятельствах может потребоваться долгая жизнь: страдания, ненависть, отчаяние, восхищение, радость, чувство несправедливости... Здесь мы имеем дело с “достаточной продолжительностью действия”, которая, по Аристотелю, необходима для подлинной трагедии, ибо включает в себя события, заставляющие персонажей попеременно испытывать счастье и горе.

Не только матчи команд соперничающих наций, но и соревнования местных клубов могут вызвать бурю эмоций, особенно в контексте регионалистских или сепаратистских требований. В Иране, например, как бы сильно ни было национальное чувство, футбольные клубы являются выразителями локальной идентичности. Это касается, в частности, провинции Азербайджан на западе страны, где клуб “Трактор Саз” (“Тракторный завод” – по названию предприятия в Тебризе, которому клуб раньше принадлежал) стал символом азербайджанских националистов, требующих большего признания и культурной автономии, а то и независимости. На юго-востоке, в провинции Хузестан, где сосредоточено арабоязычное население, матчи клуба “Фулад” дают возможность болельщикам, поощряемым сепаратистскими или ирредентистскими движениями, продемонстрировать при помощи лозунгов или формы одежды их арабскую идентичность. Но это еще не та стадия конфронтации, когда, как это имело место в Восточной Европе, противостояние между футбольными клубами было предвестником раскола государств. В Чехословакии матчи между братиславским “Слованом”, за который болели словаки, и пражской “Спартой”, символом чешской идентичности, часто заканчивались жестокими схватками между болельщиками, так же как в СССР матчи между московским “Спартаком” и киевским “Динамо”. Одним из первых шагов новых независимых государств была организация национальных первенств и подача заявок на вступление в ФИФА. Раскол Югославии дал свежий пример тесной связи футбола и националистических требований (о коротком пути от футбольного поля до поля брани см.: *Colovic* 1999). В 1990 г. очень серьезные инциденты с участием игроков и болельщиков, омрачившие матчи между “Динамо” (Загреб) и “Црвена Звезда” (Белград) и между сплитским “Хайдуком” и белградским “Партизаном”, стали предвестниками раскола Федеративной Республики.

Югославская ситуация подводит нас к необходимости учитывать религиозное измерение футбольных антагонизмов. Иво Андрич³ в “Письме из 1920 г.”, как никто другой, выразительно описал напряженную конфессиональную обстановку в этом обществе и особенно в Боснии:

Тот, кто в Сараеве проводит ночи без сна, может услышать все ночные голоса. Тяжело, уверенно бьют часы на башне католического собора: два часа пополудни. Проходит немногим более одной минуты (я считал, ровно семьдесят пять секунд), и тогда бьют немного тоньше, но пронзительно часы на православной церкви, отмечая свои два часа пополудни. Вслед за ними глухо, словно издали, отбивают часы на башне мечети, причем отбивают одиннадцать часов – призрачные турецкие одиннадцать часов, согласно странному счету времени чужой, далекой страны. У евреев нет своих часов с боем, и одному только богу немилостивому известно, который час у них и по какому счету времени – сефардов или ашкенази. Даже ночью, когда все спит, когда текут

глухие ночные часы, не дремлет рознь, разделяя сонных людей, которые, проснувшись, радуются и печалятся, постятся и говеют по четырем враждующим календарям и воссылают к небу молитвы на четырех разных языках. И эта рознь то явно и открыто, то незаметно и исподтишка сливается, и отождествляется с ненавистью (*Andrić* 1993: 33–34)⁴.

Нужно ли говорить о том, что мысли Андрича не потеряли своей актуальности? Общинный сепаратизм во время боснийского конфликта нашел свое воплощение и в футболе. Чемпионаты продолжались, но проводились по отдельным федерациям: в Боснии-Герцеговине соревновались мусульманские клубы, в Герцег-Боснии — хорватские, в Республике Сербской — сербские. Объединение трех федераций в 2002 г. не сняло напряжения. Так, в Мостаре, где разрушенный мост стал символом раздела города, встречи между мусульманским клубом “Вележ” — по названию нависающей над городом горы — и хорватским клубом “Зриньски” — в честь героя антитурецкого сопротивления⁵ — проходят в особенно воинственной обстановке. Болельщикам “Вележа”, скандирующим с трибун: “Верните нам наши квартиры!”, фанаты “Зриньски” отвечают: “Мы не вернем вам ваши квартиры!”. Подобным образом религиозные общины с их мощными ассоциативными структурами формируют состав футбольных клубов и распределение между ними болельщиков и в других городах Европы или Ближнего Востока (Белфасте, Глазго, Бейруте...).

Футбол может служить резонаторным ящиком не только религиозных противоречий, но и языковых различий, разделяющих национальные государства. Это характерно для Бельгии, где двуязычная столица или города, расположенные вблизи языковой границы, делят свои симпатии между валлонскими (во главе которых стоит льежский “Стандард”) и фламандскими клубами (воплощением которых является “Брюгге”).

Соревнования могут также пробуждать воспоминания о давних разногласиях и обидах. Во многих городах, находящихся сегодня в кризисе и ностальгирующих по былому величию, чем больше население ощущает себя жертвой исторической несправедливости и насмешек со стороны, тем с большим энтузиазмом поддерживает свой футбольный клуб (примерами могут служить Ливерпуль, Марсель и Неаполь). Любое состязание с преуспевающей командой воспринимается как возможность реванша над трудной судьбой, нередко усиливающаяся противостоянием Севера и Юга — еще одной мощной оппозицией, формирующей “ментальные карты” Европы.

Идентификация с футбольной командой может основываться также на ее принадлежности тому или иному предприятию или социальному классу. Выше мы уже упоминали “пролетарский” характер “Ланса”, патроном которого с 1934 г. была угольная компания, “Сент-Этьена” — детища магазинов “Казино” или “Сошо” — фактически филиала “Пежо”. В Лансе объектом саркастических насмешек традиционно становится “буржуазный” футбольный клуб из Лилля, в Сент-Этьене издеваются над “холодным и высокомерным” “Лионом”. В Стамбуле за лидерство борются три команды: “Галатасарай”, “Фенербахче” и “Бешикташ”. Старейший “Галатасарай” — клуб привилегированного класса, возглавлявшийся в момент создания (и чаще всего в дальнейшем) выпускником одноименного французского лицея. “Фенербахче”, представляющий азиатский берег города, считается “народным”, хотя руководят им богатые бизнесмены; он связан с образом Ататюрка⁶ и его секуляризмом. Матчи “Галатасарая” с “Фенербахче” настолько взрывоопасны, что с 2009 г. вход на стадион болельщикам команды, играющей в гостях, запрещен. Третий крупный городской (тоже “народный”) клуб “Бешикташ” представляет одноименный квартал, который гордо именуют “деревней”.

Однако достаточно ли констатировать факт, что футбольные состязания утверждают и демонстрируют верность и преданность коллективу, чтобы понять секрет популярности этой игры? По большому счету страсти вокруг футбола объясняются не только театральностью и драматизмом зрелища и не только возможностью громогласно заявить о своей принадлежности к группе, но и тем, что на футбольном поле сегодня

разыгрывается партия, в которой в концентрированном виде проявляются основные ценности современного мира. Из разговоров болельщиков об успехах или поражениях их команды, о самой истории футбола рождается в форме жестокой карикатуры целостная картина современного мира.

...целостная картина современного мира

О чем в действительности говорит нам эта *глубокая игра*, и о чем говорят те, кто о ней говорит? Как и другие виды спорта, футбол превозносит заслуги, мастерство, соперничество между равными. Он позволяет увидеть и осмыслить с беспощадной ясностью неопределенность и изменчивость индивидуальных и коллективных позиций на примере вознесения и ниспровержения знаменитостей, роста и упадка команд, строгих процедур классификации – этого золотого правила современных обществ, основанных на оценке компетенций. Как показал Ален Эренберг (*Ehrenberg* 1991), популярность спорта в значительной степени определяется его способностью воплощать в себе идеалы меритократического общества, убеждая нас в том, что “никто” может стать “кем-то”, что место каждого не предопределено его рождением, а завоевывается на протяжении всей жизни. Раймон Копа, Пеле (Эдсон Арантис ду Насименту), Диего Марадона, Криштиану Роналду, Зинедин Зидан, Лионель Месси восхищают нас не только своей искусной игрой, но и тем, что – мы уверены – они добились славы своими силами, а не потому, что им повезло родиться “сыном такого-то”.

Симптоматично, что спортивные соревнования зародились в обществах с демократическими идеалами: в античной Греции (где, как писал Гегель, возводились в принцип равенство и индивидуализм), в Англии XIX в. (где возникли сомнения в незыблемости социальной иерархии). Сама идея соревнований, к участию в которых приглашаются все желающие, могла возникнуть только в обществах, где существует если не реальное, то хотя бы идеальное, желаемое равенство. Можно ли вообразить себе участие крепостных в рыцарских турнирах? Конечно, нет! Не имеют ничего общего со спортом в нашем сегодняшнем его понимании *тлачтли* или *улама* – игры в мяч древних ацтеков, на первый взгляд очень похожие на современный футбол и иногда ошибочно считающиеся его предшественниками. В обществе, где судьба человека предопределена в момент его рождения, где непредсказуемости не оставлено места, победа и поражение имеют равную символическую ценность, и невозможно даже представить себе, чтобы кому-то удалось – хотя бы в игре – изменить свое место на социальной лестнице.

Можно ли, однако, ограничиться представлением о футболе как о виде спорта, где всем воздается по заслугам, как об островке ясности, где успех каждого строго пропорционален его личным качествам? Нет, эта игра дает более сложное и противоречивое представление об устройстве бытия.

Не в меньшей степени, чем индивидуальное мастерство, в ней ценятся работа в команде, солидарность, распределение задач и коллективное планирование – по образу и подобию породившего его индустриального общества. На поле каждая роль требует мобилизации особых качеств (силы центральных защитников, умеющих “заставить себя уважать”, выносливости игроков средней линии – своего рода “легких” команды, виртуозности нападающих – мастеров дриблинга, у которых мяч буквально “приклеен к ноге”, а также тактического мышления и периферийного зрения, отличающих игроков высокой пробы, и т.п.). Соединяя в себе индивидуальное мастерство и командный дух, готовность к принятию самостоятельных решений и подчинение групповым интересам, футбол представляет собой модель эффективного действия. Руководители предприятий и представители власти – нередко это одни и те же люди – безошибочно уловили это: они охотно используют футбольные метафоры и, по сути, изменили “направление” сравнения на противоположное: прежде команду сравнивали с предприятием, сегодня предприятие, а то и правительство сравнивают с командой.

Рис. 4. Неаполитанский болельщик, приделавший к своей шляпе муляж руки Марадоны во время матча Англия–Аргентина в 1986 г. (фото К. Бромберже, 2014).

Однако несмотря на то что футбол с его принципами, героями и легендами прославляет солидарность и равные возможности, реальный мир с его неравенством и беззаконием и здесь дает о себе знать. Как в “Скотном дворе” Джорджа Оруэлла, в футболе тоже одни более равны, чем другие. В рамках любого национального чемпионата бюджеты клубов могут отличаться в десятки раз, и трансферы игроков в течение одного сезона еще более увеличивают этот разрыв, позволяя лишь наиболее преуспевающим командам исправить допущенные ошибки в подборе футболистов.

Права на телетрансляцию подчеркивают сложившееся неравенство. Не все клубы получают одинаковые доли этого “пирога” (во Франции в 2016–2020 гг. речь идет о сумме в 748,5 млн евро). Существует фиксированная часть, распределяемая поровну между клубами, и более или менее существенная дополнительная сумма, определяемая в зависимости от нынешнего рейтинга клуба, его рейтинга в предшествующие пять лет и в целом от его известности и репутации. Таким образом, клубы Марселя, Лиона, Лилля или Парижа получают гораздо больше, чем, например, корсиканский “Аяччо”. Так создается замкнутый круг телезависимости, благоприятствующий наиболее котирующимся клубам — и без того самым богатым, — что снижает вероятность случайности — одной из наиболее “острых” составляющих спортивного зрелища.

Однако, при всем неравенстве, в футболе в большей мере, чем в любом другом виде спорта, не всегда выигрывает лучший или наиболее одаренный. Чем же объясняется многократно усиливающая драматическую напряженность матча способность этой игры доводить непредсказуемость до предела, и какие уроки можно извлечь из этого дерзкого нарушения торжества предсказуемого совершенства?

Если футбольные матчи так же интересно смотреть, как и размышлять о них, то объясняется это особой ролью, отведенной в них случаю, удаче или судейским ошибкам. Особая роль, в свою очередь, связана с технической сложностью игры, основанной на противоположном использовании ноги, головы или туловища и на многообразии параметров, которые следует учитывать для достижения победы. Нога не зря считается несовершенной конечностью, достаточно сравнить участки коры головного мозга, отвечающие за ее движения, и контролирующие, например, функцию хватания или голосообразования (*Leroi-Gourhan 1964: 120, fig. 44b*). Совершенно очевидно, что уверенно и точно манипулировать объектом при помощи столь неуклюжей конечности очень трудно. Футболисты часто упускают “сто процентные” голевые моменты, а иногда и забивают в свои ворота – ситуация, свойственная этому виду спорта. Разве не становится чудом, незабываемым эпизодом матча как раз тот момент, когда болельщики восхищенно восклицают: “Фантастика! Это невозможно!” Неуверенность в исходе встречи еще более возрастает из-за непредвиденных обстоятельств (дождь, ветер, бугорок на поле...) и нагромождения ошибок (в расстановке игроков, в планировании игры, в принятии решений: “Почему он отдал мяч? Почему не пробил сам?” ...), которыми отмечен любой матч.

Оставляя столь большое место случаю, футбол безжалостно напоминает нам о том, что одних только заслуг недостаточно, чтобы превзойти соперника. Пытаясь противостоять непредвиденным обстоятельствам, которые, вопреки всем раскладам, могут фатальным образом изменить траекторию мяча, а иногда и всей жизни, игроки и болельщики прибегают к бесчисленным мини-ритуалам, цель которых – задобрить судьбу (ведь это именно о ней идет речь, когда говорят о “случае”). Особенно активно прибегают к этим практикам вратари и нападающие, чьи действия играют решающую роль: совершив спортивный подвиг или допустив грубую ошибку, каждый из них может мгновенно стать героем или изгоем.

В футболе нужно не только умело сочетать мастерство и удачу, пользоваться ошибками других, но иногда и вполне сознательно жульничать, притворяться, хитрить. Незаметно придержать соперника за футболку, упасть в штрафной площади, симулируя боль от неполученного удара, – все это тоже часть ремесла. “Я сыграл головой, а Господь приложил руку,” – не без юмора прокомментировал Марадона забитый им первый мяч в игре между командами Англии и Аргентины на чемпионате мира по футболу в Мексике в 1986 г. “Ударь прежде, чем ударили тебя, но сделай это незаметно”, – доверительно советовал один из французских полузащитников. Всем этим маленьким хитростям арбитр, долгое время носивший черную униформу, противопоставляет строгость закона. Но судейство в футболе имеет свой особый характер: оно молниеносно и непрерываемо, карает за едва заметные порой нарушения и оставляет широкий простор для интерпретаций. Порой судьи допускают ошибки, оценивая ситуацию на глаз, особенно когда речь идет об определении положения “вне игры”. Недавно опубликованные в журналах *Lancet* и *Nature* исследования показали, что такие промахи могут быть связаны с неудачной позицией линейного арбитра или с оптическим эффектом перспективы. Но ошибки судейства – следствие не только восприятия, но и интерпретации. Судья должен мгновенно решить, имело ли место в спорном случае (например, при силовом приеме) нарушение правил и, что еще сложнее, было ли нарушение преднамеренным (квалифицировать ли нападение на соперника как “игровой момент” или “умышленную грубость”; футболист сыграл рукой или мяч попал в руку?). В отличие от большинства других видов спорта, где эталоном, подтверждением и вердиктом служит измерение, футбол являет собой театр

безапелляционных судейских ошибок, часто определяющих судьбу матча. Телевизионные повторы в замедленном темпе, крупные планы спорных ситуаций еще более оживили и без того обостренную чувствительность болельщиков к промахам арбитров. Так появился зритель-надзиратель/зритель-дознаватель, отслеживающий любые ошибки, наносящие вред команде, которую он поддерживает. Но если матч может стать поводом для преувеличенно бурных дебатов о справедливости судейства, он по-своему напоминает также о том, что в игре, как и в жизни, всегда есть место произволу. Невозможно вообразить себе спортивный поединок, школьный урок или турпоездку, где рефери, учитель или гид должны были бы ежеминутно обосновывать каждое свое решение.

Футбол воплощает в себе одновременно гармоничное и противоречивое видение современного мира. Он восхваляет индивидуальные и коллективные заслуги, выявляя лучших с помощью соревнований, но он также дает возможность увидеть, как важны для достижения успеха везение и жульничество, ошибки и неопределенность судейства, которые, в каждом случае по-разному, своевольно нарушают принцип “воздается по заслугам”. Не в этом ли сочетании рецепт преуспевания в современном мире? Однако противоречивость футбола делает наш мир по-человечески понятным, в т.ч. и в случае отсутствия успеха. В обществах, где каждый человек, каждый коллектив призван преуспеть, с неудачей или поражением можно психологически примириться только при условии, что они стали результатом чьих-то происков, несправедливости или превратностей судьбы. Непререкаемому порядку, основанному на заслугах, футбол противопоставляет спасительное сомнение и фундаментальную неопределенность. Чем стал бы абсолютно прозрачный мир, где каждый обоснованно убежден в том, что совершенно справедливо занимает свое место, где больше невозможно сказать: “Ах, если бы только”, где нельзя пожаловаться на злую судьбу или на бесконечные махинации других?

Футбольный матч создает таким образом спорный универсум, допуская множество интерпретаций роли личных и коллективных заслуг, везения, неравенства, справедливости, жульничества и обмана в достижении успеха. И, по всей видимости, именно эта характеристика — *спорность* — придает футболу черты “философской драмы” и возбуждает страсти болельщиков.

«Лучшим заголовком, который я когда-либо помешал на первую страницу, был: “Хари: 10 секунд”», — признавался бывший главный редактор французской спортивной газеты *L'Équipe*. Действительно, что еще можно сказать о результате бега на стометровку, кроме как добавить описательные комментарии? Футбольный матч, напротив, открывает неисчерпаемые возможности для подробных рассказов и противоречивых оценок. Он позволяет, если только речь не идет о сокрушительном поражении, когда действительно и говорить нечего, приводить бесчисленные аргументы в свою пользу и представлять историю в выгодном для себя свете. Отсюда нескончаемые комментарии, комментарии комментариев, замечания, приписываемые игрокам газетчиками...

Футбол показывает нам различные зигзаги судьбы, он также безжалостно демонстрирует важные истины, значимость которых поблекла в повседневной жизни: напоминает, что в мире, где блага ограничены, несчастье одних составляет счастье других (*Mors tua, vita mea*). Гахуку Новой Гвинеи так хорошо усвоили этот железный закон футбола и всего западного общества, что решили обойти его, чтобы сделать игру более соответствующей своему мировоззрению: они играют, по свидетельству Клода Леви-Строса (*Lévi-Strauss* 1962: 44), на протяжении нескольких дней подряд столько матчей, сколько необходимо, чтобы команды имели равное количество побед и поражений. Но и наше собственное понимание счастья не строится исключительно на поражении соседа или сегодняшнего противника. Нужно еще, как убедительно показывает арифметика чемпионатов, чтобы на других полях близкие или далекие, сильные или слабые соперники побеждали или проигрывали, способствуя нашему успеху. Таким образом, футбол иллюстрирует еще один закон современного мира: сложную взаимозависимость судеб на пути к счастью.

Символизируя противоречивые основания преуспевания в современном мире, эта *глубокая игра* позволяет перебросить мостик от всеобщего к единичному: она воплощает в себе как ценности, определяющие нашу эпоху, так и противостоящие друг другу коллективные и индивидуальные идентичности. Но, как и иные феномены глобального мира, футбол подвержен общей тенденции униформизации и стирания различий.

Перевод с французского Е.И. Филипповой

Примечания

¹ Анри Жорис (фр. Henry Joogis), владелец двух знаменитых лилльских предприятий – пивоварни и хлебозавода, на тот момент крупнейшего во Франции, стоял во главе городского футбольного клуба на протяжении 30 лет (1911–1940) вплоть до своей смерти. – *Прим. перев.*

² Пьер Гишар (фр. Pierre Guichard), сын Жоффруа Гишара, основателя группы “Казино” (сеть магазинов розничной торговли), в 1927 г. стал президентом Спортивной ассоциации Сент-Этьена (ASSE), на базе которой позже родился местный футбольный клуб. Пьер Гишар с перерывами возглавлял клуб до 1961 г., после чего сам выбрал себе преемника. Футбольный стадион Сент-Этьена, построенный на средства П. Гишара, носит имя его отца (стадион Жоффруа-Гишар), а цветами клуба с самого его основания являются белый и зеленый – цвета группы “Казино”. – *Прим. перев.*

³ Иво Андрич (серб. Иво Андрић / Ivo Andrić) (1892–1975) – югославский писатель и дипломат, нобелевский лауреат в области литературы. – *Прим. перев.*

⁴ *Andric I. “Lettera del 1920” (Pismo iz 1920) // Andric I. Racconti di Sarajevo. Roma: Tascabili Economici Newton, 1993. P. 33–34 (цит. в пер. Н. Вагаповой по изд.: Андрич И. Пытка. Избранная проза. М.: Панорама, 2000. – Прим. перев.)*

⁵ Николай Зринский старший (1508–1566) – хорватский военачальник, геройски погибший в Сигетварской битве с войсками османского султана Сулеймана I. – *Прим. перев.*

⁶ Мустафа Кемаль Ататюрк был болельщиком “Фенербахче”. – *Прим. перев.*

Научная литература

Bromberger C. Le match de football. Ethnologie d’une passion partisane à Marseille, Naples et Turin. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l’homme, 1995 [2012].

Bromberger C. Le football en Iran. Sentiment national et revendications identitaires // Soutenir l’équipe nationale de football. Enjeux politiques et identitaires / Eds. J.-M. De Waele, F. Louault. Bruxelles: Éditions de l’université de Bruxelles, 2016. P. 73–81.

Charroin P. Il pubblico del Geoffroy-Guichard di Saint-Etienne // Il calcio e il suo pubblico / Ed. P. Lanfranchi. Naples: Edizioni Scientifiche Italiane, 1992. P. 301–312.

Colovic I. Campo di calcio, campo di battaglia. Il calcio del racconto alla guerra. L’esperienza jugoslava. Messina: Mesogea, 1999.

Ehrenberg A. Le culte de la performance. Paris: Calmann-Lévy, 1991.

Fridenson P. Les ouvriers de l’automobile et le sport // Actes de la recherche en sciences sociales. 1989. No. 89. P. 50–62.

Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. Technique et langage. Paris: Albin Michel, 1964.

Lévi-Strauss C. La pensée sauvage. Paris: Plon, 1962.

Mourat A. Les joueurs étrangers du FC Sochaux entre immigration sportive et immigration professionnelle // Catalogue de l’exposition Allez la France! Football et immigration, histoires croisées / Réd. C. Boli, Y. Gastaut, F. Grognet. Paris: Gallimard, CNHI, Musée National du Sport, 2010. P. 70–73.

Murray B. Celtic et Rangers / Actes de la recherche en sciences sociales. 1994. No. 103. P. 41–51.

Wahl A., Lanfranchi P. Les footballeurs professionnels des années trente à nos jours. Paris: Hachette, 1995.

Research Article

Bromberger, C. Modern Football (Soccer), Local Identity and Global World [Sovremennyyi futbol, mestnaia identichnost' i global'nyi mir]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 2, pp. 11–24. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Christian Bromberger | <http://orcid.org/0000-0002-8231-8885> | brombergerchristian8@gmail.com | Aix-Marseille Université (Jardin du Pharo, 58 Boulevard Charles Livon, 13284 Marseille, France)

Keywords:

football, soccer, globalization, identity, modern society

Abstract:

The development of football (soccer) in recent years reflects one of the key paradoxes of our time: even though people's ways of life in various countries and parts of the world are becoming increasingly similar, the sense of belonging to different local communities is at the same time being maintained if not heightened. Until the 1980–90s, it was common for football fans to take pride in their favorite team's distinctive style of play and players who themselves would often be natives of their region or even hometown. Teams were often owned by local businessmen or authorities. In a word, sport teams and clubs were a perfect representation of local identity. Today, the connection between the team and the local area is weakened, yet feelings of affection for the team are still going strong. The article delves into this quandary as well as the reasons for football's undying cultural popularity.

DOI: 10.7868/S0869541518020021

References

- Bromberger, C. (2012) 1995. *Le match de football. Ethnologie d'une passion partisane à Marseille, Naples et Turin* [The Football Match. Ethnology of a Partisan Passion in Marseille, Naples and Turin]. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme.
- Bromberger, C. 2016. Le football en Iran. Sentiment national et revendications identitaires [Football in Iran. National Sentiment and Identity Claims]. In *Soutenir l'équipe nationale de football. Enjeux politiques et identitaires* [To Support National Football Team. Political and Identity Issues], edited by J.-M. De Waele and F. Louault, 73–81. Bruxelles: Éditions de l'université de Bruxelles.
- Charroin, P. 1992. Il pubblico del Geoffroy-Guichard di Saint-Etienne [The Audience at the Geoffroy-Guichard in Saint-Etienne]. In *Il calcio e il suo pubblico* [Football and Its Audience], edited by P. Lanfranchi, 301–312. Naples: Edizioni Scientifiche Italiane.
- Colovic, I. 1999. *Campo di calcio, campo di battaglia. Il calcio del racconto alla guerra. L'esperienza iugoslava* [The Football Field, the Battle Field. Football from Narrative to War. The Yugoslav Experience]. Messina: Mesogea.
- Ehrenberg, A. 1991. *Le culte de la performance* [The Cult of Performance]. Paris: Calmann-Lévy.
- Fridenson, P. 1989. Les ouvriers de l'automobile et le sport [Automobile Workers and the Sport]. *Actes de la recherche en sciences sociales* 89: 50–62.
- Leroi-Gourhan, A. 1964. *Le geste et la parole. Technique et langage* [Gesture and Speech. Technics and Language]. Paris: Albin Michel.
- Lévi-Strauss, C. 1962. *La pensée sauvage* [The Savage Mind]. Paris: Plon.
- Mourat, A. 2010. Les joueurs étrangers du FC Sochaux entre immigration sportive et immigration professionnelle [FC Sochaux's Foreign Players from Sport to Professional Immigration]. In *Catalogue de l'exposition Allez la France! Football et immigration, histoires croisées* [Catalog of the Exhibition Go France! Football and Immigration. Crossed Histories], edited by C. Boli, Y. Gastaut, and F. Grognet, 70–73. Paris: Gallimard, CNHI, Musée National du Sport.
- Murray, B. 1994. Celtic et Rangers [Celtic and Rangers]. *Actes de la recherche en sciences sociales* 103: 41–51.
- Wahl, A., and P. Lanfranchi. 1995. *Les footballeurs professionnels des années trente à nos jours* [Professional Footballers from the Thirties to the Present]. Paris: Hachette.